

Япония как страна с уникальной, самобытной культурой, языком и менталитетом представляет большой интерес для изучения. В отличие от её материальной культуры, в наше время хорошо исследованной как западными, так и отечественными исследователями, количество авторитетного научного материала по японской духовной культуре (и её наиболее глубинной части, напрямую связанной с языковым кодом и существующими в нём концептами) по-прежнему остаётся скудным. Отсутствие таких наработок заметно усложняет жизнь иностранцам, по долгу работы или учёбы связанным с языком и культурой этого государства. По мере того, как глобализация и технический прогресс объединяют всё население Земли в единую культурную общность, таких иностранцев становится всё больше.

Крайне важно при межкультурной коммуникации осознавать принципы, согласно с которыми соотносятся между собой концепты в разных культурах. Под концептом в филологии и лингвистике (и в специализированной научной отрасли под названием «концептуальная лингвистика») понимается единичная, «атомарная» единица, входящая в состав языковой картины мира того или иного этноса, народа, нации – либо отдельного человека. Объектом рассмотрения данной статьи выступает концепт «Зима» в японской культуре. Внутри объекта выделяется его предмет – в качестве такового определяется символическое значение зимы (冬 [fuyu]) в классической и современной культуре Японии.

Японская трёхсоставная письменность, которая наряду с двумя слоговыми азбуками (хираганой и катаканой) включает в себя китайские иероглифы (кандзи), порождает самобытное «иероглифическое мышление», характерное для всего

японского народа. По причине такого комплексного устройства японской письменности, первым шагом при анализе концепта «Зима» должен стать анализ соответствующего знака кандзи.

Понятие зимы обозначается в японском языке иероглифом 冬, имеющим онное чтение [tou] (адаптация оригинального китайского чтения dōng) и кунное чтение [fuyu]. При разборе иероглифа 冬 устанавливаем, что он состоит из радикалов 夂 ([chinyou] или [fuyugashira], собственно «зима») и «две капли» (считается вариантом радикала «лёд» – 冫 [nisui]). Простота начертания свидетельствует о древности данного кандзи.

Обращаясь к истории иероглифической письменности в Китае и Японии, можно проследить тенденцию: сложность структуры иероглифов всегда росла по мере усложнения передаваемых понятий и концептов; концепт же «Зима» при всей его многогранности не может считаться сложным или абстрактным, при этом человечество было знакомо с ним с древнейших времён.

Иероглиф 冬 достаточно часто используется в качестве радикала. Его можно встретить как компонент в семи других иероглифах.

В большинстве знаков он выступает как фонетик – радикал, передающий иероглифу онное чтение [tou] (в 4 случаях) или [shuu] (в 3 случаях). В качестве детерминатива этот кандзи не встречается.

Из этих семи знаков только один имеет такое же широкое употребление, как собственно 冬. Это «конец» (終 [shuu] / [owaru] / [owari]). Значение этого иероглифа для японской культуры, пронизанной синто-буддистским понятием о цикличности жизни и смерти, начала и конца, переоценить невозможно.

Кроме значения «заканчивать», этот же знак может иметь смысл «весь» («всю ночь», «весь год», «всю жизнь»), приобретая в том числе возвышенное значение (как в сочетании 終夜 [yomosugara] – «всю ночь напролёт»). В структуре этого иероглифа 終 (糸 [ito] «нить» в качестве детерминатива, 冬 «зима» в качестве фонетика онного чтения [shuu]) отображаются представления древних китайцев и японцев (и первые, и вторые на заре своей истории – земледельческие «рисовые культуры») о зиме как завершении всего. Детерминатив

«нить» свидетельствует о тенденции (возможно, общечеловеческой, а не только японской и китайской) видеть время как нечто протяжённое, способное «виться», «растягиваться», «разматываться».

Замеченная здесь связь концепта «Зима» с концептом «Время» и присущей времени цикличностью – неслучайна. Понятие о цикличности сезонов – это одно из первых понятий о природе, усваиваемых человеком в детстве. И особенно речь идёт о детях из семей земледельцев. Известно, что именно аграрной страной оставалась Япония до революции императора Мэйдзи. Весь ритм жизни японского крестьянина был подчинён ритмам окружающего мира. Отголоски этой особенности сохраняются до сих пор даже в быту городских жителей.

Географическое положение обеспечило Японию мягким, влажным и достаточно тёплым климатом. Для Японских островов не характерен ни суровый климат, ни чрезмерно холодные зимы. Температура в большинстве префектур никогда не опускается ниже нуля, и практически нигде в стране нет центрального отопления. Традиционные японские дома рассчитаны на защиту жильцов от летней жары, а не от холода. Как результат, зимой внутри держится почти уличная температура. Даже в наши дни, несмотря на наличие электрообогревательных приборов, большое значение сохраняют котаци (столлик-обогреватель в центре комнаты, исторически жаровня) и фуру (японская баня).

Итак, влияние сезонности ощущается в быту японцев повсеместно. Именно такой тесной вовлечённостью в природные процессы можно объяснить некоторые аспекты национальной религии синто («путь богов» / 神道 [shintou]): собственным ками (богом, божественным началом) обладает буквально каждый предмет или существо в мире.

Очарованию природы в тот или иной сезон (в том числе в зимний) посвящено множество произведений японского искусства – начиная с периода Хэйан, заканчивая новым и новейшим временем. Зима становилась сюжетом для поэзии, картин и каллиграфических шедевров. Уже тогда сформировалось двойное отношение к символике зимы и снега. Чистота, совершенство, важное для буддистов отсутствие суетности – всё это ассоциировалось со снегом. Снег, луна

и цветы (雪月花 setsugetsuka) считались идеальными образами для созерцания и для изображения в искусстве.

Образ мышления этноса не является «вещью в себе», а определяется отражённой в людском сознании материальной действительностью. Он становится результатом предметной деятельности, отражённой и преобразованной в соответствии с законами общественного сознания. Можно сделать вывод, что японский образ мышления – это результат целого комплекса условий: исторических, климатических, материальной культуры, мирных или насильственных контактов с соседями. В случае Японии такие контакты были довольно редки и ограничены: повлияло изолированное географическое положение.

Метели, заснеженные леса и горы, заметённые поля, сугробы на соломенных крышах – с давних времён зимняя природа воспевалась множеством авторов, будь то в трёхстишиях хайку или в пятистишиях танка.

Другая, более тёмная, более печальная сторона этого сезона хорошо известна была крестьянам, для которых зима означала холод и голод. Страх перед холодом ясно отразился в устном народном творчестве – воображение японского народа создало ёкая* под названием юки-онна, «снежная женщина» (雪女).

Образ юки-онны – персонифицированной метели и мороза – так же противоречив, как символическое значение зимы в целом. По легенде, этим одновременно прекрасным и жестоким существом становится дух погибшего в метель человека. Юки-онна может нападать на путников, замораживая их насмерть, но при этом может и защитить от холода того, кто ей приглянется.

Анализируя современную интерпретацию образа «снежной женщины» в массовой культуре, можно сделать вывод о том, что основой для неё стала героиня рассказа Лафкадио Хирна «Юки-онна» из сборника «Квайдан».

Образом «снежной женщины» также может быть вдохновлён и целый типаж героинь кудэрэ** в современном аниме

* Ёкай (妖怪 [youkai]) – самобытная категория призраков и нежити в японской мифологии.

** *Kuudere*, *васэй-эйго* от *kuuru* (англ. cool) + *dere* (англ. dear).

и манге, сложившийся в девяностые годы XX столетия. Персонажи такого типа ассоциируются с традиционным образом молчаливой, скромной и верной японской красавицы.

Интересным примером появления типично «кудэрного» персонажа в литературном произведении, вышедшем задолго до образования аниме и манги как вида искусства, служит Макиока Юкико – центральная героиня трёхчастного романа Дзюнъитиро Танидзаки «Мелкий снег». Юкико, с её снежным именем, неизменной собранностью, деликатностью и прочным внутренним стержнем, можно считать истинно японской героиней – недаром в тексте не раз подчёркивается, что кимоно идёт ей гораздо больше, чем европейская одежда.

Проанализировав место концепта «Зима» в японской языковой картине мира, можно установить, что данный концепт в японском языке, как и в других языках мира, при отдельном рассмотрении принадлежит к числу «простейших». Установлено, что в японском языке присутствует крайне широкий спектр идиом, фразеологизмов, ассоциаций, связанных прямо или косвенно с концептом «Зима». Причиной этому служит богатая культурная традиция (как собственно японского происхождения, так и заимствованного). Безусловно, влияние оказало синто-буддистское синкретическое мировоззрение японского народа.

Это исследование открывает путь к дальнейшему изучению символических значений, присвоенных народом и авторами данному концепту.